

© 1991 г.

Е.И. ТРОШКИН

КОЛЛЕКТИВИЗМ ИЛИ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ТРОШКИН Евгений Иванович — научный сотрудник Центра по исследованию межнациональных отношений АН Грузинской ССР. В нашем журнале опубликовал статью «Интеллигенция и власть» (1990, № 3).

Первотолчком к написанию статьи было естественное сегодня стремление уяснить, в каком обществе мы живем. Сразу же автор столкнулся с проблемой выбора языка описания и объяснения. Квазимарксистский язык ввиду своей превалирующей функции — служить идеологическими скрепами — для этой цели оказался не пригоден, ибо задача любой идеологии — создание лишь иллюзии знания. Стоит только воспользоваться терминами, скажем: «новая историческая общность», «советский человек», «социалистическое государство», «подлинное народовластие», как всплывает и, главное, неявно, весь гигантский массив многолетнего непрерывного идеологического конструирования, и при самых незначительных интеллектуальных усилиях все становится понятным, ясным и прозрачным. Чтобы избежать напасти такого рода скороспелого, само собой разумеющегося, так сказать, а priori «отмысливания», автор начинает представлением классической кантовской модели гражданского общества как идеального посястороннего местопребывания морального индивида в огрубленной — ради краткости и простоты изложения — формулировке. В результате получается некий «рабочий» язык, в котором решается проблема совместимости, имеющая вполне содержательную интерпретацию: адекватно ли наше общество «гражданскому» и если да, то в каком смысле и до какой степени? Однако даже если результат сравнения отрицателен, то и в этом качестве он полезен на теперешнем начальном этапе теоретического осмысления реалий советского общества, когда идут «поиски

в тумане» самого языка исследования. Остается добавить, что демонстративная стилизация облика «реального социализма» в представленной модели является в определенной степени намеренной: объект исследования полезно предварительно отстранить и «остранить», если воспользоваться термином В. Шкловского, чтобы иметь возможность увидеть его по-новому. Готовые смыслы идеологического языка должны распасться, освободив место научному социологическому анализу.

К Канту в гости, за зеркалом

Что же это такое — гражданское общество? Отчего оно «медом намазано»? И впрямь ли нам, таким, какие мы есть, в него путь заказан? Если мы в принципе другие, то чем именно?

Попробуем обратиться за ответом к Канту — к его непревзойденному проекту гражданского общества как дома для всего человечества, увенчанного хрустальным великолепием идеала. Обратимся к нему как к собеседнику со своими проблемами и сомнениями, со своей болью, со своим характером и уровнем мышления.

Начнем с крыши дома — с идеала. Это царство целей, этическое государство, царство добродетели. Это общество, где поведение любого человека прежде всего определяется высшим нравственным законом — категорическим императивом, безусловно предписывающим следующее: «поступай так, чтобы твоя максима в то же время должна была служить всеобщим законом (всех разумных существ)» [1, с. 281].

Такой мир исключительного господства морали, абсолютно достойный Человека, несокрушим, поскольку устанавливается через добровольное и самостоятельное осознание каждым обязательности общего для всех закона и полное подчинение ему своих поступков, однако непосредственно, эмпирически, напрямую он абсолютно недостижим. Попытки прямой морализации мира, лежащего во зле, бесполезны, поскольку лучшие из лучших, те, кому удастся подчинить свою жизнь законам добродетели того мира, тем самым обрекают себя на полную беззащитность, на роль жертвы в мире этом.

Теперь оторвем взгляд от слепящего совершенства и осмотрим сам кантов дом, который должно строить человечество. Верхний этаж — всемирно-гражданское состояние, мир, управляемый публичными правовыми законами, ограничивающими свободу каждого ровно настолько, чтобы обеспечить такую же возможность свободы всякому другому. Индивид здесь имеет статус гражданина мира — идеальное положение для нравственного совершенствования, ибо в любой точке мира морального индивида оберегает принудительность правового закона, которая держит в узде произвол соседа.

Этажом ниже поведение индивида подчинено публичным законам пока не в мировом масштабе, а в пределах государства: его гражданственность существует лишь внутри государственных границ. Возникновение такого государства — важнейшее событие человеческой истории. Впервые на Земле появляется место, где существование морального индивида с необходимостью, а потому надежно, обеспечивается общей волей народа (которая включает и его собственную), выраженной в обязательных для каждого законах. Еще ниже — принципиальная противоположность государству граждан, а именно деспотия, где господствует произвол властителя. На этом этаже наличие моральных индивидов — дело случая, раз само существование индивида зависит от милости повелителя. Худшая из деспотий — «отеческое правление». Народом тут распоряжаются как несмышленными детьми, даже для себя не умеющими отличать лучшее от худшего. Еще ниже — доисторическое болото, дикость, естественное состояние «войны всех против всех», где добро существует лишь как возможность или как внутренний задаток человека.

Итак, путь человечества пролегает от царства зла к царству добра: надлежит постепенно этаж за этажом выстроить все здание человеческой истории. Это одновременно и процесс очеловечивания человека, где изначально присущие человеку задатки добра пробиваются сквозь завесу прихотей и необузданного своеволия к свету сознания. Разум узнает свой высший нравственный закон, которому должен подчиняться эмпирический индивид, дабы стать моральным, стать источником добра в мире. Ибо неоткуда больше взяться добру, как только из деятельности доброго же человека. Однако на дорогу, ведущую к царству добра, себялюбец и эгоист *намеренно* вступить не может: сама жизнь его «не позволяет подобного намерения». И все-таки вступает... Вступает в надежде обрести для синей птицы своего счастья надежную клетку.

Строить кантов дом человечество вынуждает глубочайшее противоречие между присущим каждому человеку стремлением к счастью и тем, что необузданный произвол в попытках его реализации плодит нескончаемую цепь несчастий и бедствий, — весь тот океан зла, из которого ему не выплыть, если оно не сумеет обуздать произвол каждого настолько, чтобы его поиски счастья не нарушали такого же права на счастье всякого другого. Иначе говоря, противоречие разрешается лишь с установлением всемирно-гражданского состояния.

Но откуда возьмется царство добра? Ведь добро не есть следствие необходимости. Что же тогда способно вынудить индивида, пусть и гражданина мира, стать моральным? Ведь между обеспечением права каждого на счастье и появлением морального индивида, а следовательно, и воцарением добра, нет прямой связи. Для выполнения первого условия достаточно легального индивида, который не нарушает установленных законом границ. Однако до намерений, принципов и целей поведения этим законам дела нет. Это — область его собственного произвола. Но вместе с тем — область действия нравственного закона, область морали. Так почему же человек, ставший гражданином, должен быть моральным? Потому что он желает быть свободным: гражданский мир связан с царством добра через стремление индивида к свободе. И это стремление вовсе не противоречит его же стремлению к счастью. Более того, раз «счастье — это такое состояние разумного существа, когда все в его существовании происходит согласно его воле и желанию» [1, с. 457], то свобода подразумевается этим как необходимый момент: чтобы быть именно «его» волей, она должна быть свободной. Откуда взяться свободе в эмпирическом мире, если последний таков, что «правильность основоположения о сплошной связи всех событий чувственно воспринимаемого мира по неизменным законам природы уже установлена как основоположение трансцендентальной аналитики и не допускает никакого исключения» [2, с. 486]? Если бы эти события совпадали с вещами *самими по себе*, т.е. эмпирический мир был бы единственной реальностью, тогда ответ очевиден — ниоткуда. Но так как они лишь *явления*, в которых вещи сами по себе нам даны так, как организована наша чувственность, т.е. в пространстве и времени, то кроме эмпирической реальности (мира природы) мы находим независимый мир вещей, о характере которого судить не вправе. В силу этого свобода могла бы исторгаться в мир явлений из мира внепространственных и вневременных сущностей. Таким образом, если необходимость природы всеобща, то в ней не может быть ни одного события, не обусловленного во времени другим, не может быть ничего, возникшего «нипочему». В таком случае в эмпирическом мире свободы не углядеть: сколько ни исследуй связь явлений, ничего кроме необходимости не отыщешь.

Что может дать человеку возможность осознавать себя вещь самой по себе? Нравственный долг, который он обнаруживает в своем разуме и который «не от мира сего». Но почему? Во-первых, потому что в нашем мире всеобщей необходимости должного быть не может. Тут для него нет места. Во-вторых, долг категорически требует, чтобы человеческое поведение соответствовало только ему, а не природной необходимости. В-третьих, никакие события в природе не могут

повлиять на характер его требований. Так что долг (или нравственный закон) *есть* в нашем разуме, но «есть» не как явление, поэтому разум не может спрашивать, почему он «есть» так, и не иначе. Ведь поиск оснований выводит за пределы эмпирического мира. Только присутствие долга в разуме как практического постулата, который требует от разума через волю согласовать с ним эмпирические действия индивида, позволяет назвать подобные действия свободными.

Если разум-«наблюдатель» задастся целью установить, почему был совершен тот или иной поступок (т.е. поставит теоретическую задачу), то он, как и в отношении природного события, вынужден будет заключить, что человеческий поступок с необходимостью вытекает из его эмпирического характера и сопутствующих условий. Внутренний наблюдатель (разум) обязан с этим согласиться, т.е. после совершения поступка признать свободу выбора мотивов действия субъективной иллюзией, которая якобы скрывала объективную необходимость. Это единственно возможная интерпретация поступка до тех пор, пока в качестве мотива рассматриваются чувственные склонности. У него нет иной точки отсчета, пока он не принял в качестве верховного регулятора нравственный закон, требующий согласования чувственных склонностей с разумом. Принятием нравственного закона как регулятора поведения эмпирическая реальность в одной своей области — сфере человеческих поступков — открывается разуму как «поле возможностей». Разум обнаруживает, что необходимость следует различными путями, но какой путь она выберет, определяется человеческим выбором. Так что поступок, совершенный по велению долга, вовсе не выпадая из необходимости природы, действительно определяется разумом как свободной причиной, хотя знать это с достоверностью может только сам человек.

Итак, согласно занимающему в философии Канта ключевое место анализу возможности свободы в эмпирическом мире, человек может быть свободен в своих поступках от необходимости природы только как моральное существо. Его воля, определяющая поведение, автономна только, когда подчинена разуму как вещи самой по себе, т.е. практическому разуму, следующему за нравственным законом. Знать, что в своем поведении человек свободен и морален, может только он сам. В стремлении к собственному счастью человек, обуреваемый чувственными желаниями, имеет естественную склонность к злу, т.е. он иерархизирует принципы эмпирического поведения так, что себялюбие оказывается наверху, а нравственный закон внизу. Первый акт его превращения в доброго человека есть революция в образе мыслей, перестройка максим поведения в соответствии с нравственным законом, т.е. создание в мыслях образца новой «парадигмы» эмпирического характера.

Гражданский мир и есть то самое состояние, в котором принудительные законы, обеспечивая право каждого на собственное счастье, в той же мере охраняют и его право на нравственное совершенствование. Более того, они дают возможность стремящимся к добру объединиться в этическое сообщество, царство добродетели на принципах добровольного подчинения. Создать земное бытование идеального общежития людей как разумных (т.е. свободных) существ — желанное *царство целей*. В своих возможных действиях человек рассматривает себя и другого не только как средство, но и как цель — как высшее ограничивающее условие любого возможного поступка, налагающее категорический запрет на поступок, приносящий вред человеку.

Добро зависит от гражданского общества, ибо именно в нем оно становится действительностью. Но и само гражданское общество как уникальное, не имеющее аналогов в природе состояние, получает свое оправдание в добре — в обеспечении своим гражданам счастья. Вся человеческая история находит свое оправдание в добре. Она оправдана, поскольку обеспечивает существование нравственного индивида как любого индивида. Именно последний представляет собой цель истории. Он есть то, чем должен быть человек как разумное существо. Однако человек стремится к счастью не только как эмпирическое существо.

Его практический разум, послушный нравственному закону, также желает счастья. правда, только такого, которое было бы связано с добродетелью как с причиной. Именно это соединение представляется разуму *высшим благом*. Но в земном существовании счастье проходит по ведомству природы, а добродетель — по ведомству свободы, и потому вознаграждение счастьем за добродетель не более чем случайность. Однако оправдание добром выручает и здесь. Добро оправдывает уверенность в бессмертии души. Путь нравственного совершенствования не должен обрываться с прекращением эмпирического существования. Только там, за пределами нашего временного существования, в вечности, возможно полное соответствие воли человеческой личности моральному закону, ее превращение в *святое* существо.

Описание кантова проекта дома для всего человечества в общих чертах закончено. Подобно готическому храму, он поражает соразмерностью и устремленностью ввысь, ибо его вершина простирается в вечность. И также, как в готическом храме, неуютно в нем человеку под всевидящим оком вззирающего с алтаря нравственного закона, если бы... Если бы не гражданское общество, которое позволяет человеку стремиться к вершинам нравственности, но в равной степени не осуждает его, если он проведет жизнь в погоне за наслаждениями. Пусть лишь он не навязывает своего счастья другому. Неясно только, есть ли у души возможность искупить грехи в мире ином и попасть-таки в рай святых душ?

Пожалуй, еще одно замечание. Присущее человеку по природе стремление к счастью никак не может служить основой какого-либо внутреннего, подлинного и потому долговременного объединения людей. Напротив, поскольку оно, как правило, является той почвой, на которой произрастает человеческое себялюбие, то формирует обособленного индивида. И попытка выстроить вавилонскую башню всеобщего счастья совершенно безнадежна: языки счастья многочисленны, непонятны друг другу, они неизбежно перепутаются и остановят стройку в самом начале. Потому и гражданское общество как цель всей необходимой истории человечества — не более чем внешнее объединение людей, занятых своим делом, поисками своего счастья. В принципе оно должно с формальным безразличием включать и тех, кто вместе идут к общей цели, и тех, кто предпочитают «гулять сами по себе», лишь бы они в соответствии с законами не навязывали своего счастья друг другу. Раз стремление к счастью обособляет людей, а правовые законы оберегают это обособление, единственной основой подлинного объединения становится мораль. Представления о счастье различны, но моральный закон един, поэтому категорический императив может служить внутренним механизмом порождения общечеловеческих норм. Единение людей — как субъектов морали — вовсе не обязательно выражается в каких-либо эмпирических совместных действиях. Любой изолированный поступок, если он продиктован нравственным законом, индивид может считать совместным действием всех моральных индивидов, потому что на его месте каждый обязан поступить также. Более того, его поступок общечеловечен, поскольку обязателен для всего человечества, каким оно должно быть, если соответствует своему предназначению. Таким образом, единство людей как нравственных индивидов — это прежде всего единство, существующее в их представлении (они «мысленно вместе»).

В первом отображении

А теперь каковы мы — социалистические — на фоне философии Канта? У нас тоже есть свой хрустальный купол идеала. Это — «счастье всего человечества», мир, где «человек человеку — друг, товарищ и брат». Здесь люди таковы, что начисто лишены себялюбия, каждый живет ради других, ради всего человечества, во всех своих поступках полагает любого другого прежде всего как цель, стремится совершать для другого исключительно добрые дела, и потому этот мир в достаточной степени согласуется с кантовским царством целей, царством добро-

детели. Такой мир не нуждается в принуждении правовыми законами и вообще ни в какой форме публичной власти. Это — идеал. Теперь о том, как туда подняться.

Подниматься нужно от общества, где правит эгоистический интерес отдельных лиц, к миру всеобщего братства как сообществу коллективов. Для такого общества главное коллективный, а через него — общечеловеческий интерес, потому-то последний и есть абсолютная ценность и становой хребет непрерывного счастья. Начало кладется революцией, которая отменяет любые привилегии, ибо они продуцируют эгоизм, и провозглашает равенство всех людей как равнодостоинных счастья. Революция создает для общества необходимый архимедов рычаг — коллектив воспитателей.

Если смотреть сверху — от идеала, то коллектив воспитателей представляет собой инструмент, с помощью которого идеал вытаскивает общество из состояния дикости, где люди — лишь сырье, материал для нового мира. Для идеала этот коллектив — объективация в виде системы команд, указаний и контроля, по отношению к народу он — чистый субъект воспитания, который должен определиться в мотивах поведения и поступках людей.

Это то, что будет тащить общество за косицу вверх. Теперь о том, что его будет подталкивать снизу. Итак, для воспитателей народ — чистый объект воспитания. Однако их авторитет существует лишь по мандату идеала, т.е. по принадлежности к коллективу воспитателей, и никак не является личной собственностью его членов. Поскольку идеал — общее достояние, то народ, если убедится, что общество не приближается, а отдаляется от него, вполне может упразднить этот коллектив и выдвинуть из своих рядов новых лидеров, благо революция провозгласила равенство для всех. Таким образом, коллектив воспитателей для народа — тоже лишь объект, орудие достижения общей цели,

Если присмотреться повнимательнее

Вернемся к Канту: гражданское общество должно обеспечить каждому возможность стать моральным индивидом. Каждому, но только возможность: оно никого не понуждает, не подталкивает. Понуждает человека только нравственный закон, представление о котором непреклонно указывает надлежащее поведение. Когда оно вступает в противоречие со стремлением к счастью, то обрекает индивида на выбор. Индивид может стать моральным, если сможет. В дальнейшем буду называть *свободным* поступок, выбранный индивидом из веера возможных, а действие из свободной причины — *моральным* поступком. Свобода индивида состоит в том, что он может поступить и так, и совсем иначе. Если в веере возможностей нет ни одной, прямо продиктованной нравственным законом, утверждение индивида о свободе выбора своих поступков не более чем иллюзия чистой воды. Под ней внимательный взгляд непременно обнаружит необходимость природы. А если такая возможность есть? Тогда положение меняется. Моральный поступок свободен от природной необходимости, но не от необходимости как таковой, ибо определен нравственным законом, который един для всех. Поведение индивида, освобождаясь от одного типа необходимости, подпадает под другой. Однако оба вида необходимости есть в сознании человека как разумного действующего существа. В этом смысле он осознает себя как существо двух миров: мира природы и мира свободы, мира явлений и мира вещей «в себе». Как «двумировое» существо индивид может выбирать, необходимости какого мира он подчинит свой поступок — и в таком случае его свобода уже не иллюзорна. Именно в силу такого своего положения индивид не определен ни одним из миров, значит, свободен от обоих. В момент выбора он находится как бы между ними — в «межмировом» пространстве. Только своим решением он открывает дорогу необходимости того или другого мира.

Итак, мораль освобождает человека от природной необходимости природы. Но раз действие последней на этом не прекращается, она, в свою очередь,

освобождает индивида от обреченности на мораль, а они вместе обрекают его на свободу выбора в гражданском обществе — матери-хранительницы такой свободы. Оно с равным безразличием оберегает любой выбор человека, если тот не выходит за рамки легальности. Безупречная добродетельность в том, чтобы автоматически отбрасывать возможности, несовместимые с нравственным законом. Но чтобы к ней приблизиться, человеку от своей свободы выбора надо отказаться. Как?..

Снова вернемся к нашему идеалу. В основе всеобщего счастья — безукоризненная нравственность его творцов. И если человек обречен на мораль, то ее нужно защищать от его свободы. Это задача коллектива. Благодаря внешней объективации нравственного закона моральность (и аморальность) поведения человека обретает демонстративность, публичность, и его свобода выбора не способна покинуть сферы сознания. Чтобы там — в голове — ни творилось, как член коллектива человек должен совершать только моральные поступки. Так принадлежностью к коллективу он обрекается на мораль. Его свобода заперта в клетке сознания и должна захапнуть. Правда, теперь она распространяется на весь коллектив, но в отличие от индивидуальной свободы коллективная не таит в себе опасности: выбор совершается автоматически и всегда в пользу морали — авторитета большинства. Преобразование человечества в систему коллективов обеспечивает торжество морали.

Положим, человечество как сообщество моральных коллективов состоялось. Единая мораль и неэгоистичность поведения гарантированы тысячьо глаз и локтей соседей, которые тут же поправят, подскажут, «помогут». Так что нравственность поступка удостоверится извне — только другими. Как моральное существо, человек — персонификация коллектива, и в этой ипостаси он абсолютно убежден в правоте своих действий и суждений. Именно поэтому он оказывается в положении, когда не ведает, что творит. Сознание нравственной непогрешимости не позволяет углубляться в возможные последствия деятельности коллектива для всего человечества. Он убежден, что общий интерес, как жена Цезаря, вне подозрений. Коллектив начисто огражден от сомнений в том, что праведность его стремлений может породить только праведные дела. «Учителям» же надлежит теоретически и совершенно объективно устанавливать, *что* есть всеобщее счастье и *как* к нему добраться, дабы разверстать его потом на отдельные добрые дела по коллективам. Но можно ли загодя определить всеобщее счастье (Добро) и каким должен быть коллектив, занятый таким делом?

Если посмотреть глазами кантова моралиста

Так можно ли в сознании объективно установить добро? Безусловно, да! Где же еще, если нравственный закон внутри нас. Однако можно впасть и в заблуждение, полагая себя моралистом, творящим добро и двинуться по пути зла. Но лишь до границы, положенной правовым законом. Гражданское общество оберегает нравственную чистоту через равнодушие легальных законов к человеческим намерениям. Нравственность недемонстративна, и достаточность морального закона теоретически опровергнуть нельзя (как, впрочем, и доказать). Его надлежит принять и потом всей своей жизнью доказывать за все человечество, но — лишь самому себе. Это первый свободный акт индивида, делающий действительной его свободу. Он требует не только определенного ума, но также решимости и воли, и как таковой должен придать истинное достоинство имени — Человек. И все в высшей степени превосходно, а источник неверия — человеческая слабость, его склонность ко злу и только...

Однако если нравственному закону в верховном положении отказать, то откроется заманчивая перспектива выстроить абсолютное всемогущество разума или столь же абсолютное всемогущество воли, которое самая последовательная, самая профессиональная философия непременно обязана была исследовать, и в

сем предприятия превосходнейше преуспела, сотворив вселенные Гегеля и Ницше. Вот пойдет человек, скажем, к Гегелю и обнаружит надежную однозначность, разработанную с потрясающей глубиной и убедительностью. К чему тяжкий груз сомнений, порожденный неопределенностью указаний морального закона? Куда как лучше предпочесть ему совершенно точное знание, которое достижимо для разума, осознавшего свой абсолютный характер. Но именно потому, что взаимоотношения каждого с нравственным законом недемонстративны, суждения всякого другого относительно того, что там меж ними было, не более чем относительны. И релятивизм этот, принципиально неустранимый, встает непреодолимой преградой теоретической экспансии абсолютного разума. Кто прав, пусть судит жизнь. Но жизнь именно в гражданском обществе, ибо только его законы и институты могут и должны уберечь от последствий игры разума «не по правилам», от его попыток схитрить, к примеру, вступив в союз с абсолютной волей в стремлении использовать ее силовую экспансию как таран.

Индивидуальный эгоизм, которому во внутриколлективной жизни никак себя не проявить — тут кругом глаза и локти товарищей, тут мигом поправят, научат, наставят, — вполне может отыскать косвенный путь для своей реализации, определяя коллективные действия именно потому, что загодя всем известно, что они не могут быть не моральными. Таким образом, действия коллектива становятся эгоистическими, потому что их и определил индивидуальный эгоизм, скрытый под маской коллективистской морали.

Если же предположить, что в коллективе индивидуальный эгоизм искореняется начисто, что коллективное «Я» становится глубинной сущностью человека, что оно абсолютно определяет его важнейшие решения и поступки, тогда, пожалуй, все просто: реальная возможность эгоистических поступков для коллектива вытекает из его убежденности в полной невозможности для него такие поступки совершить.

Кантову моралисту, оказавшемуся в мире коллективных моралистов, убеждать их в своей правоте бесполезно. Остается ждать, когда у них возникнет потребность трансформации в гражданское общество. Одно неясно: откуда появятся в обществе тотальной коллективной морали кантовы моральные индивиды?

Как поразительно точно Кант все угадал! Человек естественно склоняется ко злу, себялюбию, эгоизму. И, глядя на мир тотального коллективного морализма, можно заключить, что склонность эта непреодолима. С какой неизбежностью она выворачивает наизнанку самые прекрасные намерения! Чем искреннее эти намерения, чем немислимее подвергнуть их сомнению — а в отношении морального коллектива это совершенно немислимо, — тем бесконтрольнее на самом деле правит себялюбие.

Пред нами не просто театр, но театр абсурда, где все наизнанку, навыворот. Порочна уже сама идея создания царства добра через искоренение эгоистического индивида тотальным коллективизмом. Коллектив также изначально заражен эгоизмом, а убежденность в собственной безгрешности погружает в себялюбие неизбежно и безнадежно. Безнадежно, потому что коллективам самим по себе на нравственную дорогу не выбраться, как бы они этого ни хотели. Ибо не знает коллектив разницы между добром и злом. Правда, узнать может, но только опосредованно, через нравственного индивида. Так что нравственный коллектив возможен, конечно, вполне реально, но лишь когда он состоит в массе своей из нравственных индивидов, т.е. людей свободно — по сознательному выбору — подчиняющих свои поступки требованию нравственных принципов.

Стоп! Это по сути и есть изложение позиции кантова моралиста, его точки зрения на коллективистский мир. Изложение несколько отличное от предложенного ранее, но этот моралист не заезжий гость, а тутошний, доморощенный, в прямом смысле слова вырастающий внутри самого мира тотальной коллективистской морали.

Путь становления кантова моралиста есть просто выражение общего механизма, в основе которого лежит право каждого члена коллектива перейти в другой

коллектив, т.е. единственно разрешенная и на деле осуществимая форма свободы отдельного члена по отношению к своему коллективу. Согласно кантову «закону всемирного тяготения эгоизма», моральное пространство всех непогрешимых коллективов искривляется, но — из-за различия в характере их деятельности, условий жизни, своеобразия самой истории коллективов — искривляется по-разному. И чем значительнее эта граница, чем более непохожи друг на друга два варианта должной быть единой морали, чем сильнее «сшибка» их в сознании, тем вероятнее осознание того, что коллективная мораль — лишь форма проявления развертывающегося коллективного эгоизма.

Таким образом, «опрокидывание мира», открывающее путь коперниканскому перевороту, случается не только в маленьком «предбаннике» коллектива «Учителей», а на всем пространстве мира моральных коллективов. Перемещение людей из коллектива в коллектив неизбежно. Сама логика выращивания «общего пирога» требует сокращения одних коллективов, увеличения других и создания новых. Их может стать много, потом еще больше и, наконец, настолько много, что они сумеют словом и делом «распропагандировать» моральные коллективы, заставить кардинально изменить точку зрения на мораль, уяснить то, что подлинная нравственность приходит в мир только через нравственного индивида, что именно в области морали приоритет нравственного индивида над коллективом безусловен. А обеспечение такого приоритета невозможно без совершения коперниканского переворота в обществе, без преобразования коллективистского мира в гражданское общество.

Коперниканский переворот в массовом сознании неизбежно приведет к подобному перевороту и в самом обществе. Вот оно самоперерождение тотального коллективизма в гражданское общество! Не стоит забывать, что члены моральных коллективов являются моралистами, т.е. они стремятся к добру, желают добра, просто их бес попутал, это он за спиной их осознанного намерения («нетематически», если воспользоваться термином Г.Т. Маргвелашвили) утащил их на путь эгоизма и себялюбия. Если эту «нетематическую» эгоистичность «тематизировать тематически», выгнать в круг их сознания и кроме того продемонстрировать истинный путь осуществления добра в мире, то что может помешать им реализовать свое стремление? Подобный акт прозрения вполне смогут организовать кантовы моралисты, когда обретут «критическую массу». Налицо безусловное долженствование человеческого мира в направлении добра, а также и совершенно неопровержимое сознательное стремление членов моральных коллективов двигаться в этом направлении. Есть и механизм, который готовит миг всеобщего прозрения, уяснения истинного пути. При таких резонах трансформация коллективистского мира в гражданское общество — вопрос времени.

Остается рассмотреть лишь силу, которая может задержать неизбежную трансформацию. У кантова моралиста совершенно точное знание о ней. Это коллектив «Учителей». Ибо только они по самому своему положению, по роду своей деятельности не позволяют увлечь себя мнимой добродетельностью коллектива. Все они так или иначе прошли через «предбанник» кандидата, потому не могут не знать о тотальной эгоистичности мира. И раз уже они охраняют прекраснородное заблуждение коллектива в собственной моральности, значит, хотя бы сберечь роль сознательных эгоистов только для себя, что само по себе является неопровержимым свидетельством их лицемерия. И охраняют понятно почему: за ширмой незапятнанности коллективистской морали только их коллективный эгоизм может осуществляться совершенно бесконтрольно. Именно всеобщая вера в коллективный морализм создает райскую жизнь для их эгоизма, а поворот на путь подлинного добра, переход к гражданскому обществу для них настоящее «изгнание из рая».

Вот истинный корень «учительского» неприятия кантова моралиста, та причина, в силу которой последнему не дадут спокойно существовать, особенно же — высываться с публичным словом и поступком. И когда ответ на вопрос «кто виноват?» абсолютно ясен, надо установить, что надлежит делать кантову мора-

листу, как приблизить час коперниканского переворота. Если выступить в одиночку и под знаменем нравственного закона, то скоро осадят, заклеят эгоистом, предавшим великое дело «счастья для всего человечества». Тогда где он должен быть? Ясно, что, во-первых, ему необходимо хотя бы просто выжить, во-вторых, обосноваться там, где нет риска подвергнуться перевоспитанию. Значит, надо не высовываться, быть как все, не переступать порога кантовской «революции в сознании», присесть на порожке, сделаться кантовым моралистом только в потенции. А в том, что их час наступит, нет никаких сомнений. Порукой тому бесконтрольность эгоизма «Учителей», которая — чем далее, тем более — будет подвигать их подставлять вместо общей пользы свою собственную, эгоистическую, пока, наконец, подмена не станет очевидной для всех. Миф о непоколебимости коллективистской морали рухнет, и придет время кантовых моралистов. Они выйдут из подполья, перестав быть моралистами только в потенции, получат возможность актуализировать требования нравственного закона в собственном поведении и тем самым указывать всем подлинную дорогу добра.

Скажем, ожидаемый час пришел. «Учителя» проворовались по-крупному, так, что ни скрыть, ни замазать, а кантовых моралистов успело стать «много на каждом километре» и особенно у «трубы». Достаточно много, чтобы развести такой трезвон, который не даст «Учителям» отделаться принесением жертв, верхушечным переворотом вместо надлежащего, коперниканского. Первый непосредственный результат очистительной грозы — «голые Учителя», моральный авторитет которых сокрушен окончательно, поскольку сокрушена нравственная непогрешимость моральных коллективов. Рядовой член коллектива узнает свой когда-то бывший неосознанным, т.е. «нетематическим» эгоизм, узнает он и то, что вера в нравственную непогрешимость «Учителей» сделала его инструментом их сознательного эгоизма. Значит, «прокидывание мира» свершилось в массовом сознании и сделало невозможным возвращение к невинности. Следующим шагом должно быть совершение самого коперниканского переворота — выход в гражданское общество. И шаг этот, с точки зрения морали, полностью обеспечен: Учителя «отыграны», нравственный авторитет — исключительно у кантовых моралистов, и ничто, кажется, не может помешать ему соединиться с первоначальным нравственным намерением людей. Ничто или только кажется? Нет ли у общества или индивида возможности не идти прямо по этому пути? Есть и целых три: стать сознательным эгоистом, искать новый способ организации коллективного морализма или стать действительно кантовым моралистом.

Сразу отметим, что вторая невозможна, поскольку тотальный коллективизм дискредитирован прежде всего именно морально. Куда более обоснованной выглядит первая — сознательный эгоизм. И обоснована она реальным положением вещей, констатацией которого и является. Суть ситуации — коллективистский мир познает свою эгоистичность, что противоречит исходным нравственным установкам этого мира. И осознанности данного противоречия вполне достаточно, чтобы рассматривать этот мир пребывающим в положении нравственного, а значит, свободного выбора.

Между тем оскорбленное тотальным коллективистским обманом нравственное сознание зовет к немедленному роспуску коллективов и превращению всех в индивидов, которые потом сами установят легальные принципы своего сосуществования, т.е. к решительному броску в гражданское общество. Кантовы моралисты должны подталкивать общество к выбору первого пути, а «Учителя», ввиду их полной моральной дискредитации и громадного опыта в следовании сознательному эгоизму, — к выбору второго. Однако первые явились бы тогда моралистами скорее романтическими, мало чем отличающимися от «Учителей», чем кантовыми, а вторые — эгоистами недостаточно коллективистскими. Кантову моралисту, если он и впрямь кантов, должно быть очевидно, что немедленный роспуск коллективов и тотальная индивидуализация не приведут к созданию гражданского общества. Мир вначале впадет в дикость или — в лучшем

случае — в деспотию, откуда до гражданского состояния очень далеко. Тогда как сознательно эгоистическому коллективу немедленный роспуск и общая индивидуализация исключительно выгодны. Немедленный роспуск коллективов позволит ему опять занять положение единственного коллектива умников в мире дураков, только теперь уже благодаря не осознанности эгоизма, а своему коллективистскому характеру. Свято место пусто не бывает: вместо одного коллектива Учителей придет другой, скорее всего тот, который возглавит погром. Его волонтерами вполне могут стать те же потенциальные кантовы моралисты, теперь оказавшиеся в победителях, решившие сполна использовать ниоткуда взявшийся моральный авторитет и свое преобладание у «трубы». Однако в этом случае они, как и все ренегаты, неоригинальны.

Настоящих же кантовых моралистов не может не мучить проблема актуализации себя и себе подобных, для чего, как известно, требуется только общепризнанная и охраняемая публичными законами возможность такой актуализации для любого индивида. И более ничего. Вот для этого «только» им и нужно гражданское общество. Их членство в эгоистическом коллективе такой возможности не обеспечивает. Не обеспечивает ее и тотальная индивидуализация мира, которая относит гражданское состояние в будущее. Но как устроить его «здесь и теперь»? Можно, если не требовать его немедленной и всеобщей актуализации, если ограничить его только статусом возможности для всех, т.е. если не спешить толкать в него всех скопом. Пусть такое общество будет первым индивидуальным шагом члена коллектива, результатом самостоятельно принятого решения, для чего коллективам отводится пространство, где публичными законами свобода каждого ограничивается ровно настолько, чтобы обеспечить равную свободу всем другим. Это и есть гражданское состояние. Кантова моралиста подобное вполне бы устроило. Конечно, он ни капли не сомневается, что коперниканский переворот в обществе свершится, но происходить он должен постепенно, без хаоса и беспорядка, которые препятствуют распространению добра.

Кантов моралист, именно потому что он кантов, имеет достаточные основания предпочесть радикальной индивидуализации эгоистического коллективизма постепенный переход в область гражданского состояния. Однако к чему она осознавшим свой эгоизм коллективам? Им-то какая выгода? Настолько прямая и непосредственная, что они должны понять: выбирающие подобное состояние образуют совершенно специфический коллектив, без которого стабильность сосуществования сознательно эгоистических коллективов не может быть обеспечена.

Вот таким, примерно, видится кантову моралисту наше общество. Видится, прежде всего, в зеркале кантовой практической философии. Можно предположить, что в зеркалах, «выстроенных» из Платона или Ницше, Гегеля или Маркса, общество выглядит совсем иначе. Но это уже другая история, хотя все они имеют смысл, лишь отвечая на вопрос: откуда и куда мы движемся?

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кант И.* Соч. В 6-ти т. М.: Мысль, 1968. Т. 4. Ч. 1.
2. *Кант И.* Соч. В 6-ти т. М.: Мысль. 1965. Т. 3.